

МЭН-БУКЕР-2012 И ДАЛЬШЕ

Статья посвящена авторам короткого списка Мэн-Букер-12 и перспективам этой литературной премии и ее избранников.

Ключевые слова: Мэн-Букер-2012, Мэн-Букер-2014.

Кухаренко В.А. Мен-Букер-2012 і далі. *Статтю присвячено авторам короткого списку Мен-Букер-12 та перспективам цієї літературної премії її обранців.*

Ключові слова: Мен-Букер-2012, Мен-Букер-2014.

Kukharensko V.A. Man-Booker-2012 and its perspectives. *The Article deals with the analysis of books included into the Man-Booker short list-2012 and the perspectives of the new format of the prize introduced in 2014.*

Key words: Man-Booker-2012, Man-Booker-2014.

Короткий список Мэн-Букер-2012, как всегда, включал 6 имен. О победительнице – Хилари Мэнтел, выступившей со второй частью трилогии о бурных временах правления Генриха VIII, мы уже писали (см., напр., [1]).

Оставшаяся пятерка номинированных на престижную премию, оказалась очень разной по стилям, темам и литературному стажу.

Самый опытный из них – Вильям Вудард Селф (*Will Self*, 1961-), плодовитый писатель, в послужном списке которого короткая и длинная проза, публицистика, сценарии для TV, литературная критика, был избран в короткий список за свой девятый роман «Зонтик» (*Will Self. The Umbrella* [12]). Это сложный для чтения и восприятия роман, написанный в технике потока сознания, основное место действия которого – психиатрический госпиталь. Здесь почти пятьдесят лет, с 1918 года, находится работница оборонного завода Одри со зловеще звучащей фамилией *De'Ath*. Прокатившаяся по военной Европе волна энцефалита, задела и ее. Многие годы за ее дремлющим сознанием, где смешиваются, переплетаются и путаются фантазии и явь, прошлое и настоящее, наблюдает психиатр и психотерапевт Зак Буснер (который появляется и в других произведениях Селфа).

Эта сложная вязь темпорально и семантически не связанных мыслей и их фрагментов, оформлена двумя шрифтами (курсив и обычный), смена которых происходит спонтанно, в середине, в конце, в начале предложения. В текст введены несуществующие слова – напр. *bitindrill*, *chuckinlathe*, *poweron* и под. Наиболее частые пунктуационные знаки – многоточия и тире. Объясняя назначение своих тем (он много пишет о психических заболеваниях, наркомании) и стиля, он говорит: *"I don't write fiction for people to identify with and I don't write a picture of the world they can recognize. I write to astonish people"* Цит. по [4, 25].

В передаче BBC от 20 апреля 2012 г. «В защиту непонятных слов (*A point of view in defence of obscure words*) он назвал себя «психогеографом» (*psychogeographer, described by a psychologist as a schizoid personality*

and borderline personality) [ibid].

У него есть поклонники, отмечающие его необычность и изобретательность (напр., Стюарт Макони, Хэролд Блум). Есть и критики, вопрошающие, а вывел ли Селф «поток сознания» из тупика, которым закончил Джойс [5], и упрекающие его в переписывании старого модернизма [7].

Решать читателям. К сожалению, читать весьма трудно, поэтому решение, так же, как и у критиков, будет неоднозначным.

Из четырех оставшихся претендентов двое – дебютанты, которых жюри избрало за их первый роман.

Двое из четверых – представители Южной Азии. Это более опытный Тэн Туонг Энг из Малайзии, со своим романом «Сад вечерних романов» (*Tan Twan Eng. The Garden of Evening Mists*, 2012 [13]). Это второе крупное произведение автора. Его дебютный роман «Дар дождя» (*The Gift of Rain*) был очень хорошо принят читателями, которые ожидали продолжения успеха. И «Сад» их не разочаровал. Здесь есть и ужасы войны, и романтика любви, и удивительная тонкость в описаниях японского искусства, и особая сдержанность отношений.

Это повествование от первого лица, которое ведет китайка Юн Линг. Хронологически книга выстроена зигзагообразно: в первых главах, действие которых разворачивается в охваченной жесточайшей гражданской войной Малайзии начала 1950-х, Юн Линг нет тридцати, потом история уходит в ее довоенное детство и первые юные годы, когда вся ее семья посетила Японию, и ее единственная сестра (старшая на 2 года) влюбилась в сады, сконструированные (*created*) личным садовником императора Накамуро Аритомо.

Потом началась II мировая война, которую здесь называют Тихоокеанской (*the Pacific War*), и Юн Линг с сестрой Юн Хонг были отправлены японцами, оккупировавшими практически всю Южную Азию, в концлагерь. Младшей сестре было 19, старшей 21, и они, как и все узники японских концлагерей, назывались «гостями императора».

Названия и местоположения «своего» лагеря Юн Линг, так же, как и все остальные, не знала. Все работали сначала на строительстве огромного тоннеля в горах, а потом на складировании в нем каких то металлических ящиков с неизвестным содержимым.

Так случилось, что из всех узников уцелела одна она. С тех пор у нее было одно неистовое желание – выполнить свой долг перед сестрой, мечтавшей, после довоенной поездки в Японию, о собственном саде, созданном по правилам Аритомо.

Встреча с Аритомо, который попал в немилость к императору и удалился в горы Малайзии, где создал для себя «сад вечерних туманов» и события последующих десятилетий; белые, китайцы, японцы, малайцы, которые по-разному входят в жизнь Юн Линг; переоценка ею многих ценностей и попытка найти душевный мир и покой – все это приводит героиню к постижению идеи «Сада»: созданный по древней технике Шаккей, он должен «одолжить» дальнюю перспективу у окружающих гор и возвышенностей, ближнюю – от ландшафтов соседних участков. Он также должен включать

водное пространство, чтобы в нем отражались облака и чтобы по ряби на воде можно было «увидеть» ветер. И в нем должны быть врытые в землю камни разной формы. Созерцая детали такого сада, человек понимает величие Мироздания и свое скромное место в нем. Созерцание влечет за собой ясность мысли и несуетность движений.

Перешагнувшая порог семидесятилетия, Юн Линг решает вернуться мыслью в прошлое и написать мемуары. Хотя книга, пусть и не в хронологическом порядке, уже рассказала многое из того, что пережили жертвы Тихоокеанской войны и что Европе не известно. Примечательно, что, даже говоря о зверствах японских оккупационных войск, автор старается показать, что человеку свойственна не только жестокость, но и милосердие, и романтизм, и поэтическое восприятие природы. Для европейского читателя роман чрезвычайно информативен.

В тексте много иностранных слов, много обозначений ритуалов, с которыми мы знакомы в другой терминологии. Например, летчики-камикадзе называются «Цветками вишни» (*Cherry Blossoms*), т.к. жизнь их была так же коротка, как жизнь вишневого цвета. А программа производства «самолетов на один раз» – для камикадзе – называлась *tokko program*. Известное нам «харакири» называется *seppuku*. Эти и другие термины употребляются в тексте не в английской, а в своей исходной языковой форме, и выделяются курсивом.

В произведении поднимается много общечеловеческих проблем: можно ли достичь поставленной цели, если к ней неистово стремиться? Есть ли предел человеческой выносливости, физической и психической? Можно ли заставить себя забыть о трагическом эпизоде прошлого? Ведь существовала же в греческом Пантеоне сестра богини памяти Мнемозины богиня забывания, имя которой забыли; их фигуры стояли в храме рядом, только лицо первой было высечено из мрамора четко, а лицо второй смазано, расплывчато, неясно. Это как-то связано с нашей памятью и забыванием?

Перебивы времени, свободное движение из прошлого в настоящее и обратно показывает вторичность времени: человеку не следует торопиться, читателю следует «остановиться и оглянуться», подумать вместе с персонажем и оценить его/ее действия.

Второй представитель Азии в нашем списке – индеец Джит Таил с «Наркополисом» (*Jeet Thagil. Narcopolis* [14]). Так случилось, что оба эти автора были одновременно в этом же году представлены и на высшую литературную премию Южной Азии. Получил награду Таил.

«Наркополис» – дебют сорокалетнего поэта, либреттиста, гитариста, который оказался первым индийским призером Юго-азиатской литературной премии.

Первый роман уже опытного поэта (до романа он выпустил четыре книжки стихов) был хорошо принят критикой, все литературные журналы отметили его глубокое проникновение в «нефасадную» жизнь Бомбея 1970-1980-х годов, умение создать атмосферу городских трущоб, не обижая и не оскорбляя их обитателей, но сочувствуя им. Его герои – наркоманы и проститутки – пришли к жизни в опиумной «хане» или в борделе в силу не за-

висящих от них обстоятельств. Истории некоторых рассказаны подробно и могут составить самостоятельную повесть. О некоторых персонажах, нарушая линейное время, рассказано подробно, в разных частях книги. Читателю нужно самому собрать биографию и сделать свой вывод относительно фатума или собственной воли персонажа, пришедшего к опиумной трубке.

Помимо того, что нарратив соткан из перемежающихся одновременных эпизодов нескольких жизней, его нарраторами выступают два лица: Уллис, студент, пристрастившийся к трубке, открывает и закрывает книгу, служит определенной субъективной нарративной рамкой для основного повествования, которое ведет автор, тоже не нейтральный, постепенно раскрывающий характеры посетителей опиумной ханы, ее хозяина и мастеров подготовки трубки к употреблению.

Основные события происходят на скандально и криминально известных улицах окраин Бомбея, где сконцентрировались пороки и нищета города. «Каждый из посетителей ханы расскажет вам о своих несчастьях и одиночестве, которые привели его к опиуму. На деле же он просто хочет уйти от реальности, не умереть, но уйти в другой мир», говорит Рашид, хозяин процветающего заведения.

Каждую из четырех основных историй можно было бы выделить в самостоятельное произведение, собрав отдельные эпизоды воедино: готовящая трубки для клиентов Димал оказывается евнухом (*hidjra*) – в 8 лет мальчика оскотили, раны зажили, женские гормоны возымели власть, и теперь уже женщина, она «подрабатывая» в хане, работает в особом борделе, где посетителей обслуживают такие же, как и она. «Так ты мужчина или женщина?» спрашивает у нее Рашид. «Не знаю. Как когда», отвечает она. Она сама выучилась читать по-английски, поверила в Христианство и стала заходить в церковь, при этом безропотно выполняя даже самые дикие запросы клиентов.

Владелец крохотной ханы на два места, ее сосед по лестничной клетке, пожилой китаец Мистер Ли, рассказывает всю историю «Китая под Мао», свой побег из страны и завершение жизни в хане.

Мелкий клерк Руми женился, как велели его и ее родители. Дом как семейный очаг для него не существует. На темных улицах он дважды совершает убийства. Каждое из них – отдельная новелла.

И, наконец, нарратор Домус Уллис, белый, из далекой Америки, начинает свою историю сына успешных родителей, из любопытства попробовавший трубку во время туристического визита в Бомбей в 1970-х, и застрявший здесь. Свидетель кровавых событий 1993 г., он бежит от них обратно и возвращается через 10 лет, застав в живых только старика Рашида.

Его хана, под руководством его старшего сына Хамиля, процветает. Но это уже не столько опиум, сколько вытеснившие его более дешевые «химикалии» – кокаин и героин. Смотря на разгоряченную последними толпу молодежи в дискотеке, невеста Хамиля спрашивает, не жалко ли ему всех этих молодых людей, для которых выхода в «нормальную» жизнь уже нет, и он отвечает «Нет. Они же не мусульмане». В конце появляются и русские, приехавшие «за товаром». Они тоже не мусульмане. Пусть себе умирают.

За десять лет Бомбей изменился. Он не только стал Мумбаи, здесь, «рядом со зловонными лужами», появились новые стройные башни. В их тени копошатся грязные полуголые дети. Они спасены от опиума, кокаина, героина? Город перестал быть наркополисом? Но ведь он не мусульманский, значит, и волноваться не стоит.

Последняя пара претендентов в коротком списке – женского пола. Для одной из них Алисон Мур выдвижение на премию ее маленькой книжечки «Маяк» (*Alison Moore. The Lighthouse*, 2012 [11]) в 180 страниц стало полной неожиданностью. Дебют писательницы, которой в 2011 году исполнилось 40 лет, привлек внимание членов жюри, и книжку с неброской обложкой, отпечатанную в маленькой провинциальной типографии, включили сначала в длинный, а потом и в короткий список Мэн-Букера. Критики, принимавшие активное участие в обсуждении претендентов, не исключали даже первого места! [6].

Награду, однако, получила Хилари Мантел – за вторую книгу трилогии о бурном XVI веке, но Алисон Мур тоже оказалась в выигрыше – помимо денежной премии, она получила предложение экранизировать свое произведение.

В нем нет погонь и стрельбы, в нем тихо разбиваются сердца. Это история незаметного человека, типичного «человека из толпы». Ему около 40, он худощав и лысоват, он не уверен в себе, от него за несколько дней до событий книги, ушла жена. Автор дает ему одно имя *Futh*, и больше его никак не называет. Это фамилия или имя, данное при крещении? Фамилия, постоянно обозначающая персонажа в тексте, свидетельствует об отдаленности повествователя, его эмоциональной нейтральности, а это как раз и есть тональность описания не очень длинной жизни Фута.

У Фута недельный отпуск, и он решает провести его в пеших прогулках по течению Рейна. У него педантично предусмотрено время прихода в очередную гостиницу, где его уже ждет чемодан, отправленный утром с предыдущей остановки. Вот эти шесть дней прекрасной погоды и природы, измученных новыми неопробованными ботинками ног, солнечных ожогов, ошибок в маршруте, из-за которых он пропускает часы обеда/завтрака в очередном отеле – это и все события.

Правда, параллельно показана семейная жизнь двух работников отеля, откуда начинается и где заканчивается путешествие Фута, бармена Бернарда и его супруги горничной Эстер. Их молодые страсти давно ушли, но охладевший муж сохранил яростную ревность ко всем лицам мужского пола, которые, даже по невинному поводу, входят в контакт с его супругой.

Все тривиальные события этой недели описаны автором с использованием *Present Indefinite Tense*.

Мысленный возврат персонажей в прошлое, события, которые сформировали вяло текущее настоящее, представлены в *Past Indefinite*. Таким образом, безликое настоящее и полное надежд прошлое различаются даже формальной сменой грамматического времени. В книге мало эмоциональных определений – герои живут скучно, обыденно, даже не общаясь друг с другом. За свою отпускную неделю Фут произнес пару десятков слов, глав-

ним образом, приветствия «с добрым утром».

Один из критиков видит причину бесцветного существования Фута в детской травме: ему было около 12 лет, когда от них с отцом ушла мать [2]. После этого события отец завел длительные отношения с соседкой, от которой ушел муж, прихватив сына. Сын Кенни – примерно одного возраста с Футом, но они – полная противоположность друг другу, несмотря на то, что «детская травма», о которой говорит критик, была практически одинаковой. Значит, развал семьи – это только один из факторов, сформировавших последующие тридцать лет жизни Фута. Он и до ухода матери обожал сидеть в ее шкафу, где всегда было уютно и приятно. Он вырос под влиянием отца и его сестры, много боялся, был «скромным молодым человеком». Наверное бы не женился, если бы его будущая жена не сделала ему предложения. Он и на собственной свадьбе умудрился отстать от всех гостей и своей новоиспеченной супруги.

При всей своей робости, нерешительности, он никак не глуп. Он работает на фабрике, создающей искусственные запахи. Запахи вообще играют большую роль в романе: Фут везде носит с собой пустую серебряную внешнюю коробочку от духов матери, в форме маяка, которая до сих пор пахнет фиалками. Эстер, в отсутствие мужа, капает каплю его любимого одеколона на подушку, чтобы легче вспомнить юные годы. Стоя над обрывом у Рейна, пробираясь по лесу, выходя на улицу после дождя, Фут все время ощущает запах воды, листьев, свежести.

В общем, Фут – неплохой человек. Что же с ним не так? Подумав о том, что он может остаться в Германии и жить здесь (*he would have preferred not to be going back at all*), он задумывается – а обратит кто-нибудь внимание на его отсутствие (*he wonders who would be the first to notice his absence*)? Даже случайный попутчик по парому не может вспомнить ни его имени (*moth? froth?*), ни его внешности (*he cannot really visualize him*). Он никому не нужен. И автор составляет конец открытым – как решится дальнейшая судьба этого героя, который совсем не герой.

Сама А. Мур, соглашаясь на экранизацию книги сказала: «Мне интересно, как кто-нибудь другой посмотрит на происходящее. Только конец трогать не надо» [3]. Значит, такая неопределенность, которую каждый читатель может повернуть в иную сторону, – это «в системе Фута» – безобидного, безликого, нерешительного.

И, наконец, самая тоненькая книжка короткого списка-12 написана Деборой Леви, опытной писательницей, поэтом, драматургом (*Deborah Levy. Swimming Home, 2011* [9]). История начинается достаточно тривиально: Лето. Жарко. Французское побережье Средиземного моря, недалеко от Ниццы. Один из домов, большой и запущенный, с огромным бассейном, сняли для своей семьи (муж Джо – известный поэт, жена – Изабель – военный корреспондент, дочь Нина 14 лет) Джейкобсы. Они пригласили своих лондонских друзей – Митчелла и Лору – обладателей антикварного магазина, провести с ними лето, которые приехали первыми. Митчелл даже успел купить два старинных персидских пистолета на блошином рынке в Ницце и разыскивает лесную живность, чтобы пострелять. Когда прибывает семья

Джейкобсов, они обнаруживают в бассейне совершенно голую девушку которую пустил сюда поплавать ленивый управляющий Юрген.

Основные персонажи вышли на сцену и заняли свои места. Действие развивается не слишком быстро – очень жарко, – каждый реагирует на происходящее не вмешиваясь, но отрицательно: голая особа – Китти Финч – уже не первый год проводит лето в этом районе, т.к. ее мать работает номерной в отеле Негреско в Ницце и, к тому же, управляющий территорией Юрген в нее влюбился. Высокая, юная, рыжая, она называет себя ботаником, трепетно относится ко всему живому, включая мошек и ночных бабочек, собирает морскую гальку, но в данный момент остается без ночлега – Юрген что-то спутал с датой ее приезда, и Изабель, просто потому, что в огромном доме, снятом ею на лето, вволю свободных запущенных помещений, предлагает ей расположиться в ближайшей комнатке.

Это решение не устраивает всех гостей – она чужая и лишняя. Только Джо, как и подобает рассеянному поэту, смотрит на происходящее с неопределенной улыбкой.

При том, что в жизни каждого из названных персонажей происходят непредвиденные события, книга посвящена Китти Финч и Джо Джейкобсу. Не столько потому, что привыкший к связям со своими «поклонницами», Джо, любящий и дочь, и жену, затевает короткую интрижку с Китти, тоже «на поэтической почве», а потому, что она – повышено нервная, мятущаяся акцентированная личность, которая ждет его вердикта на свои стихи и знает все, написанное им, наизусть, глубоко проникает в их содержание и видит в них то, в чем Джо упрекает ее: желание уйти из жизни. «Я это поняла сразу и я приехала Вас спасать», говорит она ему в машине ночью по дороге обратно к их поселку, после вечера в ресторане и номере Негреско. А на рассвете в бассейне плавает труп. Это Джо. Самоубийство? Но в карманах его халата – камни, собранные ею на пляже, и врач подкладывая руку под его голову, говорит: *Don't put him into recovery position, Mitchell. I think he has a spinal injury <...> There it is...*” (9, 151). Вот оно – я нащупала... Что? След от пули из персидского пистолета, который пропал у Митчелла? Сзади?

Что мучало его, такого успешного?

В книжке «бокком» проходит его венгерско-еврейское раннее детство и потом, без погибших родителей и сестры, попытки выкарабкаться... Успех никогда этого не закрыл.

Но теперь все усилия выжить остаются его семье. Кто-то из них виновен?

Маленькая книжка задает много больших вопросов: должна женщина «делать карьеру» или воспитывать ребенка? Возможно ли равноправие в семье? Как вести себя, что делать с людьми с неустойчивой психикой?

Леви не дает ответов. Это она оставляет читателю. Таким образом, из шести претендентов короткого списка ни один не поставил окончательную точку в своем повествовании: «Продолжение следует» у Хилари Мэнтел, «конец на усмотрение читателя» у Деборы Леви и Алисон Мур, «конец как конец эпизода, а не истории» у Тен Тван Энга и Джита Таила – читателя всюду приглашают к со-творчеству.

С этой ноты начал свою статью «Является ли Буккер барометром лучшей литературы?» в журнале *London Observer* Патрик Нит, автор нашумевшего романа «Война лондонских голубей», [8]. Действительно, кого следует отбирать в списки, возглавляющие литературу года? Дебютантов? Мэтров? Искать интересную историю? Отточенный стиль? Чем привлечь читателя и войти с ним в контакт? Может быть, действительно следует представлять максимально большое поле выбора, как это имело место в только что представленном кратком обзоре?

Именно для того, чтобы увеличить читательские возможности ознакомления с тем, что пишут на английском языке не только страны Британского содружества, но и прочие страны и континенты, с начала следующего 2014-го года, Мэн-Букеровская премия, которая в 2014-м году отметит свое 45-летие, становится премией «за лучшее произведение на английском языке в мире». Будем ждать!

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухаренко В.А. Еще один Букер /В.А. Кухаренко // Записки з романо-германської філології. – Одеса: КП ОМД, 2012. – Т. 15 - № 2. – С. 63-70.
2. Cummins A. Futh. / A. Cummins // Observer. – 26.08.2012. – P. 8.
3. Hamilton C.-E. The Book that Made My Day / C.-E. Hamilton // Guardian. – 21.12.2012. – P. 4.
4. Hays H. Understanding Self / H. Hays. – L.: Another Estate, 2010. – 282 с.
5. Joughlin S. Umbrella, by Will Self. Review/ S. Joughlin // Daily Telegraph. – 18.09.2012. – P. 7.
6. Lee R. Alison Moore's "Lighthouse" / R. Lee // The Guardian. – 10.10.2012. – P. 12.
7. Leith S. – Umbrella – old school Modernism / S. Leith // The Observer. – 19.09.2012. – P. 8.
8. Neate P. Is the Booker the barometer of the best literature / P. Neate // Observer. – 01.08.2010. – P. 12-13.

Man-Booker short-list 2012

9. Levi Deborah. Swimming Home / D. Levi. – Faber & Faber, 2012. – 157 p.
10. Mantel Hilary. Bring up the bodies / H. Mantel. – L.: Fourth Estate, 2012. – 407 p.
11. Moore Alison. The lighthouse / A. Moore. – L.: Salt. – 2012. – 182 p.
12. Self Will. The umbrella / W. Self. – L.: Bloomsberry, 2012. – 397 p.
13. Tan Twan Eng / T.E.Tan. The Garden of the evening mists. – L.: Myrmidon. – 348 p.
14. Thayil Jeet. Narcopolis / J. Thayil. – L.: Faber & Faber, 2012. – 292 p.

Стаття надійшла до редакції 6.10.2013 р.